

«Я чувствую, что нужно народу»

Льва Лещенко всегда называли «кремлевским соловьем». Лет двадцать назад — с уважением и восхищением. После падения системы — с презрением. Сейчас — с легкой прощай.

— Лев Валерьянович, а где вы чувствовали себя комфортно: в годах застоя или в сегодняшней неразберихе?

— Сейчас, конечно. Я ни от кого независим. А раньше все нужно было просить, что меня лично очень ломало. Квартиру, даже кооперативную, — просить, мебель — просить, продукты — просить. Все, все надо было выпрашивать. Унизительное состояние. И при этом говорили: «Вот, видишь, ты — Лещенко, а тоже идешь на компромисс». Сейчас же, я считаю, у нас уникальная жизнь. Я могу свободно перемещаться, могу покупать себе аппаратуру.

— Неужели в те годы у вас, популярного певца, были проблемы с поездками за рубеж?

— Система не поощряла выездов за границу. И вообще не было активной культурной жизни. В основном я ездил в составе делегаций. И то было столько собеседований... Даже у меня, известного исполнителя, спрашивали, сколько стали мы выплавляем, какой урожай зерна, кто председатель компартии Аргентины или Канады. То есть ставили тебя в дурацкое положение. Я помню, как-то «зарубили» Юрия Визбора за то, что он не знал, сколько районов в Москве. Он назвал 31, а было 33. И его не пустили на фестиваль «Париж — Москва», хотя он был автором сценария.

— Вам часто приходилось услаждать слух нашего правительства на различных приемах и банкетах? Знали ли вы лично Брежнева?

— В свое время я был дважды на правительственных банкетах — в Москве и Новороссийске. Видел Леонида Ильича очень близко. Вообще же я хочу сказать, что, когда Брежнева только назначили генсеком, он не производил впечатления человека потустороннего: достаточно здравый и мудрый политик. А потом его просто подмяла система. И то, что потом случилось, — вина не его, а тех, кто его окружал. По натуре же он был очень добрым человеком.

— В то время, когда вы стали петь на официальной эстраде, на Западе блистали «Роллинг стоунз», «Дорз», Джанис Джоплин... Вы знали об их существовании, слушали их музыку?

— Конечно. Более того, у меня у одного из первых в Москве появились записи Джанис Джоплин. Я слушал и очень любил джазовые вещи, Билла Хэйли, Пресли, «Битлз», Тома Джонса. В десятом классе и после школы я даже пел немного рок-н-ролла. Но потом начал заниматься классикой, и это меня увело в сторону. Хотя я и сейчас могу спеть и джазовые вещи, и рок-н-ролл. Просто здесь действует коэффициент полезного действия. Я чувствую, что нужно народу.

— То есть, если перефразировать известное выражение, каждый народ имеет тех исполнителей, которых он заслужил?

— Конечно. Потому что, как мне кажется, просто классное пение никому не нужно. Ведь в конце концов ты поешь для кого-то. Значит, ты должен найти ту часть публики, которая будет соответствовать твоему представлению о песне, духовности, эстетике. Нельзя от этого

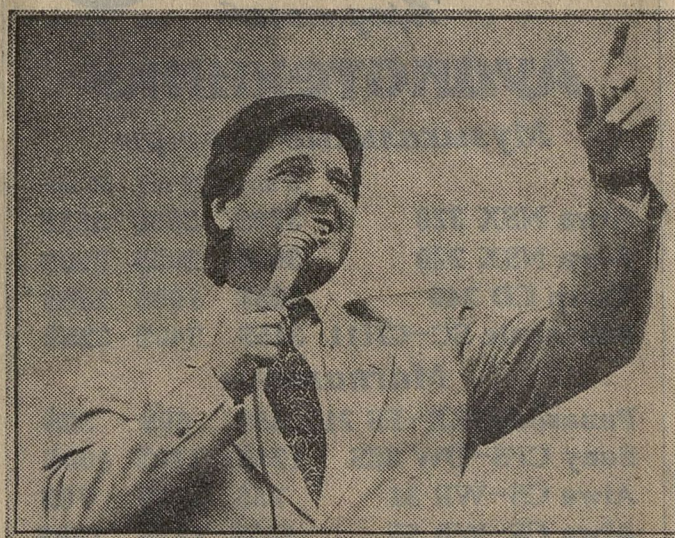
отрываться. Поэтому художник должен стоять особняком, но вместе с тем работать для людей.

— Еще один вопрос о тех, застойных, годах. Сейчас уже ни для кого не секрет, что творилось по отношению к рок-музыкантам. Вы, официально признанный еще в те годы певец, знали ли об этих притеснениях?

— Ну, это всех нас коснулось. И Хазанова, и многих, которые выходили за рамки общепринятых представлений. Я знал, что такое есть, но не видел чего-то такого жуткого. С 75-го года в Росконцерте официально работала «Машина времени». Они ездили по стране, давали концерты.

— Одни из немногих...
— Наверное, тут надо говорить об уровне музыки, о профессионализме. Хотя в принципе это, конечно, было ужасно.

Но я хочу сказать, что и у меня тоже были такие моменты. Не знаю, кто был в этом задействован, скорее всего это цензура радио, всех этих худсоветов. Так, в 80-м году у меня не вышел на экраны фильм «От сердца до сердца». Цель фильма — показать процесс создания песни. А на этой схеме показать артиста: как он живет вне сцены, как работает с утра до ночи. Словом, такой автопортрет. И в этом фильме было использовано шоу с балетом. Но что больше всего ужаснуло худсовет, — отсутствие костюмов. Все были в джинсах, в рубашках. И началось: «Безобразно, в джинсах, прыгают чего-то там, на западный манер что-то делают». И все, фильм закрыли. И тысячи песен, которые я пел, закрывали. Например, с «Днем Победы» полгода никак не мог решиться вопрос. Считали, что это

песня дурного тона.

— После прихода Горбачева вы чувствовали какой-то прессинг? Ведь в то время «кремлевский соловей» звучало как приговор.

— Да, тогда появилась своеобразная тенденция в музыкальной тусовке: стало резко отвергаться все старое. Считалось, что все, чего мы достигли, незаслуженно, что все сфабриковано той жизнью, которой требовались такие артисты. Да, в принципе так оно и было. Нас сформировала действительность, главная составляющая в те годы идеология. Но ведь даже самая бездарная идеология выбирает для своих проповедей самых талантливых людей. Всегда самые плохие пьесы несли в хороший театр. Плохие роли давали выдающимся актерам, которые своим мастерством вытянули бы ее.

И вот музыкальная тусовка замерла: «Что же эти бездарные старые певцы, «крем-

левские соловьи» — Кобзон, Лещенко и прочие, прочие, — что они будут делать сейчас?» А сейчас они все равно оказались наиболее профессиональными исполнителями. Мы жили и в этой ситуации. Ведь, посмотрите, сейчас вообще не осталось профессионалов (и не только на эстраде).

Не хотелось бы никого обижать, но ведь все эти Линды, Лины, Лики, — это же просто слепки с чего-то или кого-то. Придумайте же что-то свое. Есть же примеры. Того же Шевчука, того же «Морально-го кодекса»...

— И Пугачева, и Ротару с приходом новых времен и новой музыки изменили свой эстрадный имидж. София Михайловна даже во всеулышание заявила, что она поклонница хэви и отныне будет петь метал. Вы же продолжали и продолжаете петь в выбранной вами когда-то манере...

— Я понимаю и Софию Михайловну, и Аллу Борисовну: появляются новые стили, новые модные музыкальные приемы, новые мелодические линии. Конечно, все это хочется использовать. Вопрос в том, чтобы, скажем, быку не приклеивать хвост козы. Ужасно, когда явно по мелодике русская песня аранжирована в псевдозападной манере. Ведь западная музыка требует одной ритмической структуры, наша песня — совершенно другой.

Другое дело — аранжировать современными приемами и звуками. Да и к тому же и Алла, и Соня все равно обращаются к песне. Послушайте последние вещи Пугачевой и Ротару. Я совсем недавно работал с Соней в одном концерте и могу сказать, что она поет много народной музыки, своих старых песен. Потому что все равно дань моде — это лишние 20—30 молодых людей, которые на это, может быть, клонут, не имея настоящего эстетического вкуса. А остальных слушателей, годами преданных, они от себя отторгают.

— А чем вы объясните массовый возврат к старой музыке? Только ностальгией?

— В свое время нам казалось, что всем нам очень не хватает рок-н-ролла, метала, трэша. А в результате оказалось, что нам просто не давали это слушать. А когда послушали... Природа русского человека, его менталитет музыкальный — он ведь песенный. Это все в традициях нашего народа.

— Что за совместный проект вы готовите с Ладой Дэнс?

— У Лады очень четкий стиль. Такой, я бы сказал, женский техно-поп. Вопрос в том, нравится это — не нравится. Лично мне она импо-

нирует. И вот в одном круизе мы с ней разговорились. Я ее долго убеждал: «Лада, но ведь нельзя же постоянно петь техно-поп. Ты ведь замечательно поешь лирику. Ты не отпугнешь своих поклонников, тебе это только добавит». И вроде она согласилась с моими доводами. А мне давно хотелось спеть дуэт, в котором соединились бы актерская зрелость, мудрость, эстрадная классика с современным звучанием, современным мироощущением. С Ладой, мне кажется, у нас такой дуэт получится.

— Расскажите о своей последней пластинке. Я слышала, что для вас она является переломной. Чем?

— Пластинка называется «Белый цвет черемухи». Автор всех песен — Андрей Никольский. Это человек из мира бизнеса, однако, как он мне признался, всю жизнь слушает такую музыку — нашу, добротную, русскую. Хотя знает и современное искусство. Пластинка эта для меня — своеобразный бетселлер, потому что вышла она небольшим тиражом (видимо, те люди на «Мелодии», которые выпускали эту пластинку, считали, что она не будет иметь коммерческий успех). Но пластинка очень хорошая, и, пожалуй, один из моих дисков, где есть образ, а не просто нахватаны песни.

А для моих старых преданных слушателей я выпускаю кассету и компакт-диск «Мои лучшие песни». Там будут наиболее яркие из последних моих вещей и, конечно же, такие песни, как «Горький мед», «Родительский дом», «Холода», «Соловьиная роща».

Ольга САПРЫКИНА.
Фото Максима МАРМУРА.